

ПЛЮРАЛИЗМ КАК ЧЕРТА УНИВЕРСАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

«Человечество нуждается в единстве, но внутри обретенного единства оно должно позволить себе наличие многообразия. От этого культура будет только богаче»

А. Тойнби

Возникший термин «мировое сообщество», обозначает то, что отдельные культурные регионы, отличные во многом друг от друга, могут жить единой экономической жизнью, использовать общую современную технику и технологии, владеть примерно одной и той же суммой знаний, обеспеченной свободным доступом к электронным банкам информации, обращаться к решению глобальных проблем. И хотя эти процессы касаются в основном только развитых в экономическом отношении стран, все же они приводят к осознанию того, что приоритетным направлением развития современной цивилизации становится формирование нового мирового порядка, способствующего сочетанию единства мира в разнообразии его составляющих. Причем это разнообразие проявляется весьма широко: не столько в установлении национальной идентичности или порой в нарочитом космополитизме, сколько в сознательном избираемых человеком житейских стилях, присущих либо частной жизни, либо сфере добровольных ассоциаций. Все эти тенденции культурного разнообразия, именуемые иначе культурным плюрализмом, мы предлагаем рассматривать как становление универсального качества, присущего современной культуре. Остановимся на уточнении этих, используемых нами, основополагающих понятий.

До недавнего времени понятие «плюрализм» носило в гуманитарной мысли скорее отрицательный, чем позитивный смысл. Преобладающая в западной культуре традиция тяготела к монистическим мыслительным системам, рассматривающим многообразие явлений мира в свете одного начала, единой основы всего существующего. В этом западноевропейская мысль наследовала греческую традицию, в которой понятие «монада» использовалось в качестве исходного мирообъясняющего принципа.

В противоположность монизму для обозначения иной философской позиции, согласно которой существует несколько или множество независимых и несводимых друг к другу начал или видов бытия (форм знаний, ценностей) в 1712 году немецким философом Х. Вольфом был введен термин «плюрализм» (от лат. pluralis – множественный). Однако задолго до появления этого термина соответствующая позиция в объяснении ряда положенных ценностей, истин и пр. уже имела место в концепциях отдельных авторов. Это относится, прежде всего, к Н. Макиавелли, который «вопреки самому себе, – пишет И. Берлин, – является одним из творцов плюрализма» (1), что собственно и стало, полагает он, загадкой творчества итальянского мыслителя, вызвавшей разноречивые интерпретации потомков. Макиавелли сделал следующее: разграничил два несовместимых идеала жизни, два типа морали – мораль и ценности языческого мира (мужество, силу, стойкость в беде, общественное служение, порядок, дисциплину, счастье, стабильность, справедливость, личную инициативу, обладание знаниями и силой, необходимыми для достижения поставленных целей) и христианскую нравственность (идеалы которой – милосердие, сострадание, жертвенность, любовь к Богу, прощение врагов, презрение к благам мира сего, вера в загробную жизнь, вера в спасение души, понимаемую как высшую ценность, намного превосходящую любую социальную, политическую или иную земную цель, любое экономическое, военное или эстетическое соображение). Важно понять, поясняет Берлин, что Макиавелли и не думает отрицать что то, что христиане называют добром, то и на самом деле добро, а то, что они называют добродетелью или пороком действительно есть добродетель и порок. Однако если человек следует христианским ценностям, то он достигает одних результатов, которые могут быть расценены как его возвышающие, однако если же он преследует иные цели, как то создание великого общества наподобие Афин или Рима, то он должен отказаться от христианского образования в пользу другого, более подходящего. Таким образом, человек должен выбирать, по какому из путей ему идти. Макиавелли пытается занять объективистскую позицию, подчеркивая тем самым правомерность существования двух противоположных систем ценностей, хотя его личные симпатии к античности очевидны, что следует хотя бы уже из того, что он человек эпохи Возрождения.

Заслуга Макиавелли в признании того, что может существовать больше, чем одна, систем ценностей, и нет никакого критерия общего для всех этих систем, позволяющего сделать разумный выбор между ними. При этом Макиавелли разоблачает веру в то, что все истинные ценности совместимы, и в этом, отмечает Берлин, его главная заслуга. Он обнаружил неразрешимую дилемму, признав, что цели, в равной степени конечные и в равной степени священные, могут противоречить друг другу, и что это является элементом нормальной человеческой ситуации. Именно это открытие Макиавелли подрывает один из главных постулатов западноевропейской мысли о единственно истинном, объективном и универсальном для всех людей идеале. В этой связи необходимо остановиться на уточнении понятия «универсальность», которое весьма интенсивно использовалось в европейской культуре и характеризовало то притязания христианской религии, то западной науки, морали, рационального мышления.

Понятие «универсальность» имеет конкретно исторические трактовки и различную сферу применения. Напомним, в первичном своем значении «универсум» (лат. universum, summa rerum) использовался как философский термин, который обозначал «мир как целое» или «все сущее». Однако, слово «мир» и «универсум» не всегда являются синонимами: термин «универсум» чаще употребляется для обозначения «множества всех миров». Со временем, в истории философской мысли наряду с онтологической трактовкой этого понятия, сложилась и гносеологическая. Более всего это происходило в Новое время, т.е. в эпоху модерна, когда наука стала претендовать на роль универсального знания, поскольку устремилась к поискам

фундаментальных структур восприятия, языка, эстетического переживания, морали и т. д., Мыслители того времени, конечно, понимали, что любые формы мысли, морали или искусства меняются со временем, но именно поэтому они постоянно искали то, что находится по ту сторону этих перемен. Внеисторически понятая «разумность» в противовес «страстям» рассматривалась как универсальное средство совершенствования общества. Прогресс мыслился как постепенное проникновение европейской цивилизации во все регионы мира, которые все еще остаются за пределами магистральной линии истории. Этот подход к оценке общественного развития постепенно воплотился в «прогрессивистской» концепции, для которой было характерно представление о науке как об оптимальном средстве разрешения любых человеческих проблем, которое неминуемо приведет к гармонии и порядку. Именно универсалистские притязания характеризуют так называемый «проект Просвещения», основополагающие черты которого по мысли Ю. Хабермаса заключаются «в том, чтобы неуклонно развивать объективирующие науки, универсалистские основы морали и права и автономное искусство с сохранением их своеобразной природы...» (2).

Ряд современных мыслителей расценивают этот проект как «универсалистские иллюзии», как «мираж универсализма», все еще манящий западные культуры. «Нужно отказаться от универсалистского проекта западных культур», – пишет один из политических теоретиков современности Джон Грей (3), видя в нем исчерпанность западных иллюзий, несостоятельность бывших намерений, то, что привело к саморазрушению, к закату Современности. В нынешнем состоянии истории западной культуры мы живем на неразобранных руинах этого Проекта, отмечает он, и в этом он не одинок.

Более всего проект Просвещения был подвергнут критике теми авторами, которых сегодня мы называем классиками постмодерна. Универсалистские притязания европейской философии, морали, науки резко осуждались М. Фуко, Ж.-Ф. Лиотаром, Ж. Бодрийяром и др. Напомним, что одна из книг Ж.-Ф. Лиотара называется «Спор» (1983), и именно разномыслие, по его мнению, будет характеризовать будущую культуру. Задачей социальной политики, согласно Лиотару, становится не насильственная унификация множественности в единое «коллективное тело» социума, и даже не поиск универсального языка для возможности диалога, но сохранение именно этой разнородности, поддержка практики различных «языковых игр». Критикуя универсальность, заложенную в проекте модерна, Лиотар трактует ее в русле кантовской метафизики, как впрочем и Дж. Грей, однако в последнее время, и это важно, понятие универсальности используется в ином смысле. Тем самым в европейской культуре происходит смена принципов универсальности, применяемых к той или иной области человеческого бытия и культуры. В нашем контексте речь идет о культурном универсуме, т.е. о некоей культурной целостности, состоящей из множества культурных миров, а понятие «универсальность» трактуется как многосторонность, всесторонность, присущая культуре в целом.

Европейский континент активно усваивает опыт других культур, происходят бурные процессы миграции, консолидации, интеграции. Эту сложную динамику исторического процесса определяют как универсалистская тенденция, так и партикуляристская (лат. *particularis* – частичный, частный), для которой характерно движение к обособлению. Мировоззренческой основой партикуляризма является представление о независимом, обособленном развитии культур, в котором акцент делается на превалировании особенностей, выражающих культурную идентичность и обеспечивающих ее сохранение. Оправдание партикуляризма можно найти еще в философии Платона и Аристотеля. Понятие «варвары», сложившееся в Античной культуре, свидетельствует именно о таком воззрении на мир, когда другие ценности дифференцируются как чуждые, непонятные, порой низменные или отсталые. Формулой такого рода воззрения на мир может быть формула «мы» и «они». Наиболее яркое партикуляристское понимание культуры выражено в концепции О. Шпенглера. И хотя времена преобладания изолированных локальных культур миновали, в нынешней ситуации интенсивного диалога и взаимодействия культур партикуляризм может выступать как здоровое начало при условии насильственной унификации культурной жизни. Унификация (лат. *unus* – один) – приведение чего-либо к единой системе, форме, к единообразию. Именно унификация страшит сегодня многие культурные регионы и в этой связи объяснимо их нежелание подчиняться всеобщим стандартам, чаще всего навязываемым процессами вестернизации.

Степень актуализации в социокультурной динамике названных тенденций варьируется. Так, в периоды стабильности любая локальная культура, как правило, самодостаточна и процесс заимствования ценностей других культур, приобщения к их опыту сведен почти к минимуму: общество довольствуется функционирующими в нем и поддерживаемыми официальными социокультурными институтами привычными ценностями, стандартами, устоявшимися традициями. Однако такой период в силу ряда причин со временем нарушается, общество не удовлетворяется привычными формами культуры, которые становятся консервативными, неадекватными, инертными, не поспевающими за изменившейся жизненной реальностью. Именно на это несоответствие устаревших форм культуры реалиям жизни указывал Г. Зиммель, когда исследовал кризисное состояние западной культуры. Культура, не меняющая своих форм, пребывает в состоянии стагнации. Однако когда процесс заимствования и внедрения ценностей чуждых культур начинает преобладать и в какой-то период достигает критического рубежа, культура утрачивает присущую ей стабильность, начинается процесс деградации, вступает в силу дезинтеграционная тенденция.

Если обратиться к истории, то можно найти яркие свидетельства подобного рода процессов. Так, например, у А. Тойнби отмечено, что эллинистическая цивилизация окончательно распалась именно в результате тесного контакта с современными ей цивилизациями: с сирийской – которую она разложила, и христианской – которая пришла ей на смену. В то же время эта «дезинтеграционная тенденция имеет своей полярностью интеграционную, проявляющуюся в создании *универсального государства*» (курсив наш – В.Д.), – писал Тойнби (4). Обратим внимание на это понятие у Тойнби, которое сегодня вновь приобретает актуальность, в связи с обсуждаемым гуманитарной общественностью проектом создания универсальной Европы, о чем

пойдет речь далее. Тойнби отмечал неизбежную диалектику «распада» и «сборки» в культурноисторическом процессе, подчеркивал, что по мере распада цивилизаций непременно увеличивается стремление к стабильности, к некоторой стандартной форме, однако это уже осуществляется на ином материале. Именно так, благодаря культурному взаимодействию с Египтом, Вавилонией и Индией образовалась в свое время некая «культурная смесь», или «культурный компост», согласно его терминологии, благодаря которым возникла греческая цивилизация. Сегодня мы бы сказали о необходимом «культурном плюрализме», из которого вырастает каждая новая культура. Итак, при рассмотрении истории человечества следует учитывать вариативность обеих культурных тенденций. Примеры, свидетельствующие о чередовании тенденций в отдельные исторические периоды можно без труда умножить.

Отсюда понятно, что проблема универсализма уходит в глубины времен. Ни одна из известных нам древних культур не была лишена возможности усвоения опыта других культур. Заметим, что европейская универсальность также изначально вмещала в себя культурную полифонию. На это указал в свое время еще Гердер, одним из первых осудив европоцентризм: «Итак, если европейская чернь гордится Просвещением, Искусством, Наукой, если толпа надменно презирает три прочие части света, так это пустое тщеславие; европеец, как безумец в рассказе, считает своими корабли в гавани, все изобретения людей, и все только потому, что когда он родился, все эти изобретения, все эти традиции уже существовали рядом с ним»; и далее «никто не отрицает, – пишет он, – что Европа – это архив искусств и деятельного человеческого рассудка; судьба времен сложила здесь все свои сокровища, они здесь умножаются и не лежат без движения» (5). Гердер, наряду с фактом преемственности, характерного для европейской культуры, отмечал и другую ее особенность: ускоренное развитие, вызванное тем, что мы европейцы «живем жизнью энергичной и, быть может, тем скорее проходим краткосрочные, отмеренные нам судьбой возрасты жизни» (6).

Вслед за Гердером современный европейский мыслитель Поль Рикёр подчеркивает не только изначальный универсализм европейской культуры, но полагает его в качестве перманентного качества: «Опыт Европы уникален в том, что ей пришлось вобрать в себя целый ряд культурных наследий – иудеохристианское, античное, а позднее и культуры варварских народов, вошедших в состав Римской империи, христианское наследие Реформации, Просвещения эпохи Возрождения, а также три «наследства» девятнадцатого века: *национализм, социализм и романтизм...*» (7). Мы видим, что Рикёр в итоге отмечает неоднородность европейской культуры, пестроту ее составляющих. «Европейская универсальность подразумевает плюрализм культур», – утверждает он (8). По сути, речь в этом ракурсе может идти не только о Европе, но о многих других культурных регионах, и прежде всего о России. Плюрализм ценностей, по мере конституирования облика культуры, вследствие процессов ассимиляции и интеграции, не препятствует формированию в последствии унифицированных черт, которые возникают как бы между исходными составляющими.

Так, начиная с XV века – с начала великих географических открытий, с возникновением протестантизма и, наконец, с начала развития современной науки, базовые идеи которой были заложены Ф. Бэконом, Запад и Восток стали все быстрее отдаляться друг от друга. Европейская культура пошла по самобытному пути развития, во многом отличному от того, каким развивались культуры Востока. Однако никакая культура не может быть самодостаточной. Творческое развитие культуры возможно только при взаимодействии с другими культурами, при всемерном обогащении собственного опыта. Замкнутость и изолированность приводит к стагнации, поэтому обращение к ценностям иных культур – залог развития и обновления, роста и творчества. Эту закономерность понимал К. Ясперс, отметив в свое время, что «подлинное значение Азия получит для нас лишь тогда, когда мы спросим себя, что же при всем своем превосходстве потеряла Европа» (9). Все очевиднее для западной цивилизации становится необходимость востребованности опыта незападных цивилизаций. Художественное творчество оказалось наиболее чутким в этом вопросе.

Сегодня тенденции культурной универсализации приобретают особую актуальность, что побуждает к поискам теоретических стратегий и практических решений. Тем более, что наряду с таким видением современного мира, существует и иное, когда абсолютизируются различия и исключаются возможности мирного решения конфликтов. Известно мнение американского аналитика С. Хантингтона о том, что противоборство между цивилизациями усиливается, и что в обозримом будущем будут возрастать конфликтность и столкновения, и не может быть речи о едином человечестве (10). Одной из задач, решаемых в этом ракурсе, является задача формирования необходимых мировоззренческих позиций, способствующих взаимопониманию, а не отторжению культур.

Итак, универсальность на современном этапе понимается не как некая абстрактная логика развития, а как реальный результат усложнения межкультурных и цивилизационных связей, как состояние, вызванное наличием креативного диалога различных культурных традиций в контексте глобальной цивилизации. Все это выдвигает ряд практически необходимых вопросов, касающихся не только культурной политики, но и правового регулирования, пересмотра политических маркеров и пр.

В свое время еще Тойнби писал об «активном распространении вируса западной культуры», о том, что «мир ищет альтернативные западные пути решения проблем социального и нравственного характера», о том, что «никто не хочет делить с Западом горькую плату за рост материального благополучия» (11). Современный английский исследователь Грей, на идеи которого мы уже ссылались, обосновывает необходимость заменить просветительский проект «готовностью к сосуществованию и имеющими иную природу культурами» (12). Это его суждение сводится к обоснованию возможности возникновения в более обнадеживающей перспективе таких политических форм, которые «будут выражать и оберегать многообразие», и которые «дадут возможность сосуществовать в мире и гармонии различным мировоззрениям, образам жизни и культурам» (13). Тем самым он отстаивает плюралистическое видение

культуры будущего, которое, соответственно, может быть обеспечено плюралистическим политическим порядком.

Принцип плюрализма является основополагающим для объяснения культуры постмодерна, и если модерн характеризовался европоцентристскими интенциями, то постмодернизм задает ориентацию на культурный полицентризм во всех его проявлениях. Коллаж, возникший как частный прием художественной практики, превращается в постмодерне в наиболее используемый прием построения культуры. В едином пространстве могут сосуществовать различные культурные традиции, и даже веры, о чем пишет швейцарский теолог Г. Кюнг, оповещая «конец гомогенной конфессиональной среде». Немецкий популяризатор постмодернистских теорий В. Вельш трактует постмодерн «как состояние радикальной плюральности». Это состояние может быть прояснено идеей ацентризма, которая проявляется в самом широком диапазоне культуры, дискурсов, искусств и пр.

Действительно, проблема культурного многообразия обусловлена конкретными процессами, протекающими сегодня в мире. Об этом говорит У. Эко, проводя параллели между настоящим временем и Средневековьем, ибо и тогда, и сейчас произошло грандиозное культурное смешение. Он отмечает, что в современной Европе происходит миграция, сравнимая с ранней индоевропейской миграцией с Востока на Запад или же с вторжением варваров в Римскую империю и образованием романо-германских государств. Лет через сто, полагает Эко, Европа может стать континентом цветных. Это еще одна причина, по которой надо быть готовым в культурном отношении принять многообразие, принять смешение разных народов, принять этот беспорядок, – пишет он, – иначе нас ждет полный провал (14).

Целый ряд современных западных исследователей озабочены проблемой неизбежного плюрализма культуры на европейском континенте. Среди них и те, кого мы относим к постмодернистам, и те, кто является их оппонентами. И хотя нет единодушия в трактовке этой проблемы, но активные споры вокруг нее и поиски путей решения в какой-то мере способствуют её уяснению и продвижению к практическим результатам. Выдвигаются задачи обоснования множества разнообразных форм государственного устройства, форм правления и экономики, семейной и социальной жизни. На глобальном уровне эта задача наиболее актуальна прежде всего в сфере политической мысли и трактуется как мирное сосуществование различных режимов, опирающихся на различные культурные традиции. Постпросвещенческий проект сводится к ослаблению трагического характера культурных идентичностей, которые всегда будут воинственными по своей природе, к созданию институтов и практик мирного сосуществования. Политики выдвигают понятия «правовой плюрализм», который принимает реальность культурных различий как данность политического порядка, и который может быть терпимым по отношению, например, к различным религиям и мировоззрениям, в полной мере наделяя их правовым признанием.

Реальные процессы породили такое явление как мультикультурализм – особую практику и политику бесконфликтного сосуществования в одном жизненном пространстве множества разнородных культурных групп. Начало формирования концепции мультикультурализма было положено книгой Чарльза Тейлора «Мультикультурализм и политика признания». Теоретики мультикультурализма исходят из онтологического признания плюрализма культур, присущего современному обществу. Эпистемологические установки, политические и экономические интересы, религиозные предпочтения, особая национальная и групповая идентичность – все это сосуществует в одном жизненном пространстве и проявляется в различных представлениях о справедливости, истине, равенстве, свободе, красоте и пр. Мультикультурализм расценивается как одна из разновидностей партикуляризма. Носителем возникшего в начале 90-х годов прошлого века реактивного мультикультурализма стали этнические и культурные меньшинства, пытающиеся восстановить былую идентичность. С этой целью они подчеркнуто отделяют себя в формах времяпрепровождения, досуга и прочего от иных культурных меньшинств. Мультикультурализм предполагает, что индивиды и группы могут быть полностью инкорпорированы в общество, без утраты своей национальной или иной идентичности, без ограничения своих прав. С появлением мультикультурализма изменяется роль государства, значительно утрачивается его центрирующая роль и повышается координирующая. При этом актуализируется вопрос о проведении политики толерантности, необходимой составляющей компоненте в условиях глубокого культурного разнообразия, на что указывал еще Макиавелли. Политика толерантности допускает возможность приспособления политики к местным условиям и нормам, вместо того, чтобы пытаться все втиснуть в прокрустово ложе так называемых основополагающих прав человека. Среди имеющих место разнообразных форм толерантности, наиболее радикальной является безразличие, считает к примеру, цитируемый нами ранее Дж. Грей. Толерантность, – подчеркивает он, – это добродетель, свойственная людям, осознающим свое несовершенство. Такие люди не станут требовать, чтобы их предпочтения были закреплены особыми правами, или ожидать, что их образ жизни примут все. Эти люди довольствуются тем, что могут ужиться друг с другом, и в этом им открывается глубочайшая истина, которая заключается в том, что именно благодаря терпимому отношению к нашим различиям, мы поймем, как много у нас общего. Все эти проблемы и им сопутствующие все острее заявляют о себе в реальной жизни и требуют серьезного теоретического осмысления.

Примечания:

1. Берлин И. Оригинальность Макиавелли.//Берлин И. Подлинная цель познания. Избранное эссе. М., 2002. С.368.
2. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект.//Вопросы философии, 1992, № 4. С.45.
3. Грей Дж. Поминки по Просвещению. М., 2003. С.341.
4. Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С.561-574.

5. Гердер Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С.243-244.
6. Там же. С.313.
7. Керни Р. Диалоги о Европе М., 2002. С.44. 8. Там же.
9. Ясперс К. Истоки истории и ее цель.//Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С.90.
10. См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка.//Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999.
11. Тойнби А. Указ. соч. С.583,586,587.
12. Грей Дж. Указ соч. С.341. 13. Там же. С.297.
14. См.: Керни Р. Указ. соч. С.91. 15. Там же. С.96.